

Д. В. Нефёдов*

ПРОТИВОРЕЧИЯ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПУБЛИЧНОГО ПРАВА¹

Возникновение нового правового института всегда связано с преодолением ряда препятствий, среди которых и общий консерватизм юридической науки, и естественная в этом случае неразработанность «молодой» теории, и многие другие обстоятельства. Именно такую «холодную встречу» приготовила современная доктрина известному предложению ввести в законодательство новое понятие — «юридические лица публичного права». Это предложение немедленно столкнулось с рядом противоречий, которые приверженцы этой теории постоянно преодолевают, приводя все новые аргументы в поддержку своего мнения. И, хотя их усилия при этом, вне всякого сомнения, нацелены на общественную пользу, тем не менее они должны как-то соотноситься с общей научной средой, т. е. обращать необходимое внимание на конструктивную критику. В противном случае судьба теории бывает печальной, ведь история знает немало случаев, когда высказанные с энтузиазмом идеи так и не получили своего дальнейшего развития.

Если опустить эмоциональную сторону вопроса, то главной причиной неприятия научной теории всегда было одно — ее бесполезность для практики. Эта судьба заранее уготована тем взглядам, которые не смогли оценить историческую перспективу, не поняли сути общественных отношений, лежащих в основании любого научного вывода.

Для того чтобы избежать этого, существует научная критика, которая, на первый взгляд, мешает молодой концепции, а на самом деле испытывает ее на прочность, оказывая тем самым ей неоценимую услугу. Именно эти обстоятельства я постараюсь иметь в виду, исследуя настоящий предмет, и сосредоточу усилия на конструктивной критике теории юридических лиц публичного права. Сразу следует сказать, что, на мой взгляд, главным достоинством этой теории является то, что она точно отражает общую атмосферу современной экономической политики и следует ее главным тенденциям. По существу, она предлагает легально закрепить в законодательстве то, что уже существует в реальной жизни — присутствие в предпринимательских отношениях большого числа особых субъектов, необычных для классической системы юридических лиц. Они отличаются от остальных предпринимателей тем, что, реализуя публичные интересы, используют при этом частные инструменты. Уже здесь возникает мое первое несогласие с данной теорией, которое состоит в том, что если она такое положение вещей признает естественным, то я исхожу из того, что это явление временное, противоестественное, противоречит сути современной экономики и ни при каких условиях не должно признаваться правилом.

* Нефёдов Дмитрий Викторович — кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского филиала НИУ — ВШЭ.

© Д. В. Нефёдов, 2012

E-mail: 007dnef@gmail.com

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта в рамках программы фундаментальных исследований НИУ — ВШЭ в 2011 г.

Далее, обращает на себя внимание резкое разделение взглядов ученых, где одни, прежде всего, представители классической цивилистической школы, не хотят принимать теорию юридических лиц публичного права, а другие — упорно настаивают на ее необходимости. Такое явное противоречие, естественно, требует подробного объяснения позиции цивилистов, в противном случае они предстают в неприглядной роли консерваторов, ретроградов, которые не желают замечать очевидных преимуществ нового правового института. Их позиция становится еще более уязвимой, когда приводятся многочисленные факты его использования в зарубежном законодательстве.

Парадокс ситуации заключается в том, что цивилисты, в принципе, не против участия юридических лиц в публичных отношениях, поскольку различные государственные учреждения (министерства, ведомства, агентства) успешно управляют экономикой, их статус определен и не вызывает каких-либо сомнений. Таким образом, настойчивость сторонников новой теории, кажется, лишена всякого смысла. Им приходится доказывать то, что и так уже существует. Упорно добиваться «допуска» юридических лиц в публичную сферу бессмысленно, поскольку никто этому, похоже, не препятствует. Проблема же заключается в том, что сущность противоречий здесь гораздо глубже. Обсуждение данного вопроса нельзя сводить к примитивному противостоянию — нужны или не нужны юридические лица в публичном праве, поскольку это отвлекает нас от решения гораздо более важной задачи — определить характер правосубъектности таких необычных лиц.

Традиционно публичные юридические лица являются участниками в основном «вертикальных» отношений. Здесь они реализуют публичные функции, а их отношения строятся на началах власти-подчинения. Посредством их государство выражает свою волю в политическом, административном управлении. Его заботой является руководство экономикой, создание необходимых условий взаимодействия для множества частных лиц. Государство реализует таким образом функции планирования, проводит общую денежную, финансовую политику, обеспечивая всеобщие интересы. Его деятельность создает необходимые общие правила, благодаря чему достигается необходимый баланс интересов. Что же сдерживает нас в признании особого статуса таких лиц?

Необходимой предпосылкой участия в правовом отношении является наличие у лица определенной правосубъектности. При этом различные правовые отношения требуют, соответственно, разной правосубъектности. Так, имущественно-стоимостные отношения требуют гражданской правосубъектности, а властные отношения — административной компетенции. Сущность гражданской правосубъектности и публичной компетенции различна. Они имеют разную юридическую природу, и это предопределено антагонизмом публичных и частных правоотношений. Такое различие является принципиальным для классической цивилистики и настойчиво отвергается представителями идеи юридических лиц публичного права.² Вся теория последних основана именно на допустимости смешения правосубъектности и компетенции. Это, по существу, является их главной претензией на «новизну». Вместе с тем решения подобного рода далеко не новы. Достаточно обратиться к недавнему прошлому нашей науки — советскому хозяйственному праву, чтобы вспомнить массу предложений, преследующих те же цели.

² Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Гл. 3 «Учение о гражданской правосубъектности». Л., 1975. С. 109; Яковлева В. Ф. Гражданско-правовые вопросы специализации промышленности в СССР. Л., 1968. С. 17.

Предпринимаемые ранее попытки смешения правосубъектности и компетенции были тесно связаны с развитием так называемой теории социалистических хозяйственных органов. Хозорганы — это действовавшие тогда разнообразные промышленные объединения, министерства, ведомства, руководившие плановой экономикой. Они отличались от обычных социалистических предприятий тем, что соединяли в себе одновременно властные и гражданские функции. В результате, как утверждали их сторонники, у хозорганов возникала некая особая — комплексная — правосубъектность. Далее они отрицали деление отношений на императивные и диспозитивные, утверждая, что существует единое хозяйственно-правовое отношение, сочетающее черты того и другого. Предпосылкой участия сторон в таком комплексном отношении была комплексная правосубъектность.³ Такая позиция немедленно встретила жесткую критику оппонентов, которые настаивали на необходимости различать гражданскую правосубъектность и административную компетенцию и уже тогда говорили о низкой эффективности нового подхода для практики.⁴ Они отмечали, что такой вариант правосубъектности разрушает всякую определенность отношений собственности. В силу принятой тогда в науке практики никто не говорил об этом открыто, но явно читалось между строк, что такой подход не позволяет реально контролировать использование государственного имущества. Проблема бесконтрольного расходования юридическими лицами публичного права государственных средств и сегодня является главным препятствием введения таких субъектов в практику гражданского оборота. Именно с этим обстоятельством связана настойчивая критика нынешних цивилистов, пресекающих очередные попытки смешивать правосубъектность под предлогом обновления правовых идей. Это обстоятельство полностью объясняет вновь вспыхнувший антагонизм между прежними противниками.⁵ Возможно, сегодня не следовало бы акцентировать внимание на старых спорах, где идея хозяйственных органов как две капли воды похожа на то, что предлагают нам сторонники легализации юридических лиц публичного права. В лице их последователей советская теория неожиданно обрела поддержку и представляется как некая новелла в современной правовой науке. Именно поэтому сегодня, как это было и раньше, цивилисты опять обращают внимание на недостатки, ошибочность этого подхода.⁶

Идею хозорганов и особой правосубъектности, тем не менее, нельзя предать полному забвению, назвать ее абсолютно бесполезной или старомодной. Во-первых, она до сих пор имеет своих последователей, которые, пытаясь развивать это учение, приходят к интересным выводам.⁷ Во-вторых, нам необходимо критически оценивать ее опыт. Он бесценен, поскольку позволяет заглянуть в будущее и узнать, что ждет там нынешнюю идею юридических лиц публичного права.

Поначалу предложение сторонников статуса хозорганов не вызывало особых возражений даже у их будущих противников. Но постепенно эта идея приобрела тенденцию

³ См., напр.: *Теоретические проблемы хозяйственного права* / Под ред. В. В. Лаптева. М., 1975.

⁴ Красавчиков О. А. Сущность юридического лица // Советское государство и право. 1976. № 1. С. 47.

⁵ См., напр.: Баренбойм П. Д., Лафитский В. И., Терещенко Л. К. Юридические лица публичного права в доктрине и практике России и зарубежных стран: Сб. / Под ред. В. П. Мозолина и А. В. Турбанова, М., 2011. С. 20–21.

⁶ Суханов Е. А. Концепции развития законодательства о юридических лицах // Журнал российского права. 2010. № 1.

⁷ Андреев В. К. Предпринимательское законодательство России: Научные очерки. М., 2008.

к распространению статуса хозорганов на все большее число субъектов. Так, если сначала они предлагали признать хозорганами только отдельные крупные предприятия и промышленные объединения, то в дальнейшем критики обратили внимание на то, что признаки хозорганов стали обнаруживаться сначала у органов государственного управления экономикой (министерства и ведомства), а затем даже у структурных подразделений предприятий (цехов, отделов, филиалов).⁸ Система хозорганов становилась всеобщей, она не видела препятствий для своего распространения, стирая всяческие границы между видами правоотношений. В результате экономика теряла организованность и превращалась в хаос.

Учитывая это, можно предположить, что скромные претензии нынешних последователей идей комплексной правосубъектности, ограниченные небольшим перечнем организаций, таких, например, как Центральный банк или Агентство по страхованию вкладов, немедленно после легализации приведут к массовому созданию таких организаций. Не нужно обладать даром предвидения, чтобы предсказать, что такой статус идеально подойдет госкорпорациям, государственным унитарным предприятиям, обществам с преобладающим государственным участием и т. д. Если после этого оставить в стороне научные споры и посмотреть трезво на то, как будет реально выглядеть в таком случае экономика — будут ли возможны здесь частная инициатива и конкуренция, и смогут ли частные предприниматели соревноваться с юридическими лицами публичного права, — то думаю, что ответ очевиден.

В этом и состоит мое основное несогласие с критикуемой идеей. Благодаря ей санкционируется вмешательство государства в экономику. С помощью прозрачной вуали данной научной теории государство пытается стыдливо прикрыть свои амбиции полностью овладеть экономикой, а сторонники данного подхода на самом деле не несут нам прогресс, а лишь научно оправдывают эти претензии. Различного рода призывы к контролю за деятельностью таких особых лиц бесполезны, поскольку он будет принадлежать никому иному, как опять же государству.

«Объективность» и «действенность» такого контроля мы уже наблюдаем на примере государственных корпораций. Стоит ли нам способствовать развитию этой практики? Ответ на этот вопрос во многом дает наша позиция в споре о природе юридических лиц публичного права. Если здесь мы становимся на ту точку зрения, что государство не должно ни при каких условиях заниматься предпринимательской деятельностью (а я придерживаюсь именно этого), поиск места Центрального банка, Агентства по страхованию вкладов, государственных корпораций в системе юридических лиц не имеет никакого смысла. Там им места нет. Отрицание идеи государственного вмешательства в экономику одновременно отрицает и необходимость таких организаций. По крайней мере, в их сегодняшнем виде. Поэтому не следует оправдывать их существование и необходимо с самого начала признать их несостоятельность. Например, в правовом регулировании современной банковской деятельности основная проблема состоит не в том, как назвать статус Центрального банка РФ, а в том, что в рамках этого статуса он не способен эффективно организовать регулирование банковской системы. Переименование его в юридическое лицо публичного права не улучшит его работу, а приведет только

⁸ Рахмилович В. А. Хозяйственная правосубъектность и юридическое лицо // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 25; Иоффе О. С. Логические пределы понятий юридического лица, оперативного управления, хозяйственного обязательства // Правоведение. 1972. № 6. С. 103; Собчак А. А. Внутрипроизводственный хозрасчет в промышленности. Правовые вопросы. М., 1972.

к большему произволу с его стороны и повысит его неэффективность. Поиском нового названия для его статуса мы отвлекаем себя от признания того факта, что деятельность ЦБ РФ крайне неэффективна. Тем более, если эффективность главного банка связывать с распространением на него дополнительных публичных полномочий, что предлагает критикуемая теория, эти ожидания будут абсолютно бесполезными. Эффективность подобного рода сложных субъектов возможна только в том случае, если лишить их надуманной комплексности и заставить заниматься своим непосредственным делом. Любая действующая на рынке хозяйствующая организация должна быть лишена всяческих публичных преимуществ и заниматься предпринимательской деятельностью на равных со всеми остальными частными субъектами, доказывая свою состоятельность только за счет конкуренции. Если же юридическое лицо является субъектом публичных отношений и ему принадлежат административная компетенция, властный статус по руководству экономикой, оно должно быть последовательно освобождено от какой бы то ни было гражданской правосубъектности, ему должно быть запрещено заниматься предпринимательской деятельностью для того, чтобы оно не могло злоупотреблять своей властью.

Эффективность управления экономикой, таким образом, не требует создания сложного юридического статуса, основанного на смешении публичных полномочий и частных функций, поскольку это дает государству возможность вмешиваться в деятельность частных организаций. Но кто-то может сказать, что это всего лишь отдельное мнение и может существовать другой подход, при котором такое вмешательство не только допустимо, но и необходимо, или, например, альтернативное предложение о том, что участие государства может быть дозировано, т. е. ограничено. Рассмотрим состоятельность таких подходов.

Только на первый взгляд может показаться, что этот вопрос можно отдать на откуп позиции ученого и предоставить ему право оценивать, таким образом, справедливость. Но, поскольку понятие справедливости чрезвычайно субъективно, я бы предложил найти иные, объективные основания, позволяющие нам выбрать между необходимостью и запретом государственного вмешательства в экономическую частную жизнь. Этот выбор, в юридическом смысле, будет связан с оценкой характера правосубъектности тех лиц, которые представляют государственные интересы. Может ли характер их правосубъектности определяться произвольно? Действительно ли достаточно лишь интереса государства, чтобы предлагать ту или иную модель правосубъектности? Возможно, именно так представляют себе внутренние механизмы права сторонники юридических лиц публичного права. Но такое упрощенное понимание права было свойственно советскому прошлому и сегодня постепенно уходит из нашей жизни, поскольку не имеет с реальностью ничего общего вследствие недооценки объективных механизмов происхождения правовых норм.

Право формируется не по воле законодателя и уж тем более не по воле доктрины, в его основании лежат объективные закономерности, от правильного понимания которых зависит эффективность законодательных решений. Именно ученый должен не просто выбирать то, что ему нравится, а еще и доказать, почему он это выбрал, как соотносится его выбор с общей экономической логикой. Аргументы, сущность которых состоит только в общественной необходимости и радении всеобщей государственной нужды, здесь бесполезны, как бы ни были они красиво оформлены внешне. Поэтому и в нашем споре о характере правосубъектности не стоит бездумно следовать политическому

заказу или сиюминутным интересам, а нужно искать объективные закономерности, которые бы обосновывали ту или иную правовую модель. Только тогда мы можем точно ответить на вопрос — от чего зависит существование юридических лиц публичного права, достаточно ли только нашей воли и живого участия в этом деле?

Подобную проблему я уже затрагивал ранее при изучении природы банковской правосубъектности. Для оценки любой правосубъектности я предлагаю брать за основу важнейшие экономические и правовые отношения — отношения собственности. Поскольку они определяют все остальные общественные отношения, их роль важна и при оценке характера правосубъектности. Кроме того, с использованием этого критерия наш вывод обязательно будет обоснованным и объективно определенным.

Правосубъектность предпринимателей следует разделить на две основные группы — в зависимости от того, являются ли эти предприниматели собственниками принадлежащего им имущества. Логично, что собственники должны обладать общей правосубъектностью и иметь возможность совершать любые не противоречащие закону сделки. Другие — несобственники, должны обладать специальной правосубъектностью. Логика такого вывода проста и очевидна. Собственник несет самостоятельную ответственность за результаты своей деятельности и потому должен иметь максимум прав в выборе ее направлений. Что же касается тех предпринимателей, которые не являются собственниками, они не могут выбирать самостоятельно, поскольку распоряжаются не своим имуществом, за них это делает собственник.⁹ Тот же подход предлагаю использовать и в нашем случае и разделять с его помощью гражданскую правосубъектность и публичную компетенцию, но сначала несколько предварительных замечаний.

Обратим внимание на то, что идея комплексной правосубъектности не случайно развилась в рамках социалистической модели экономики. Это было абсолютно реально, и не только в теории, но и на практике, потому что в то время органы государственного управления и социалистические предприятия действовали в рамках одной общенародной собственности. Их интересы полностью совпадали, и, действительно, не было особой нужды, кроме чистой формальности, в том, чтобы разделять их правосубъектность. Идеи комплексников и приводимые ими аргументы льстили власти, их критика всегда была очень осторожной, доктрина тем самым предоставляла необходимое научное оправдание государственному диктату. И хотя эта теория была абсолютно бесполезна с практической точки зрения, она тем не менее была крайне выгодна власти в теоретическом смысле. Таким образом, существование комплексной правосубъектности и особых субъектов, которые сочетают в себе административные функции и гражданскую правоспособность, возможна только в той системе экономических отношений, которая основана на одном типе собственности, т. е. когда все экономические субъекты действуют в рамках имущества, принадлежащего одному лицу. Идеальной моделью такой экономики являлась социалистическая экономика. Именно поэтому в ней получили признание идеи об особых субъектах — хозорганах. Востребованность сегодня этих взглядов наглядно показывает, что на самом деле происходит в нашей экономике. Энтузиазм сторонников критикуемой идеи явно подкреплен «государственным заказом» — обосновать необходимость развития, прежде всего, государственного сектора, а симпатии многих ученых к этим положениям говорят только о том, что наша

⁹ Нефёдов Д. В. О юридической природе банковской правосубъектности // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: Сб. / Под ред. В. Ф. Попондопуло, О. Ю. Скворцова. Вып. 3. СПб., 2000.

экономика опять стремится к централизации, когда ее реальными действующими фигурами станут только государственные хозяйственные организации.

Возможно ли использовать этот подход в условиях рыночных отношений? Можно ли в наше время настаивать на необходимости государственного вмешательства в частную хозяйственную жизнь? В условиях, когда основой хозяйственной жизни стала частная собственность, эта модель нелогична. Она легализует возможность насильственного лишения предпринимателей имущества в интересах неких особых субъектов, правовой статус которых ангажирован государственной властью. Субъекты, действующие в условиях плюрализма собственности, должны быть защищены от влияния публичной протекции. Органы государственного управления и специальные субъекты (Центральный банк или Агентство по страхованию вкладов) не должны иметь никаких преимуществ среди частных предпринимателей, а их воздействие на частное имущество должно быть запрещено. Их деятельность должна строго ограничиваться административным управлением, которое осуществляется в «вертикальных» правоотношениях, в рамках публичной компетенции. Смещение этой компетенции с гражданской правосубъектностью, развитие так называемых «государственных услуг»¹⁰ на практике приводят только к тому, что такие субъекты начинают влиять на права остальных предпринимателей, разрушая логику рыночной конкуренции. Поскольку на рынке все должны быть равны, здесь недопустимо существование организаций с особым статусом. Любое искажение этого правила немедленно уничтожает все преимущества рыночной экономики и превращает ее в экономику советскую. Равенство субъектов выступает основной предпосылкой конкуренции. Появление особенных лиц выделяет их в среде остальных предпринимателей и лишает рынок состязательности, т. е. главного стимула развития. Сначала это приводит к замедлению темпов экономического роста, а в дальнейшем к кризису. Общество здесь перестает интересоваться бизнесом, поскольку какой смысл испытывать предпринимательский риск, если добиться успеха можно, только приобретя у государства особый статус. Поскольку получить такой статус могут далеко не все, частная инициатива в такой системе заменяется экономической политикой бюрократии, а экономика, в конце концов, гибнет.

Моя позиция не исключает возможности ограниченного участия государства в предпринимательских отношениях. Но надо признать, что такая деятельность ему не свойственна, не является определяющей, не соответствует природе рыночной экономики и поэтому вмешательство в частную жизнь всегда должно сопровождаться некоторыми обязательными условиями, требованиями. К таким требованиям относится, прежде всего, то, что эта мера должна быть временной, должна быть строго ограничена законом, проводится как исключение, только в специально указанных случаях и в юридических формах. Такая деятельность не должна быть свойственна государству. Эта позиция не является бесспорной, тем более что она явно не соответствует современной экономической практике в России. Государство сегодня ведет активную экономическую деятельность, и, хотя она является крайне неэффективной, тем не менее, она постепенно вытесняет с рынка частных предпринимателей, которые все чаще обнаруживают свою несостоятельность.

¹⁰ См., напр.: *Андреев В. К.* Предпринимательское законодательство России: Научные очерки. С. 105 и далее. — Здесь автор говорит о возможности того, что деятельность органов государственного управления по руководству экономикой может осуществляться в договорном порядке.

Совершенно иных взглядов придерживаются сторонники юридических лиц публичного права, которые утверждают, что вмешательство государства в экономику естественно и необходимо, и проблема состоит только в том, чтобы найти разумный компромисс между публичными и частными интересами, который достигается, например, совершенствованием контроля за деятельностью особых юридических лиц. На практике эта позиция абсолютно нежизнеспособна. В основе ее лежит типичное для социалистической морали утверждение о том, что государство способно к самоограничению и может уважать частные интересы (предполагается — в ущерб собственным). Любой здравомыслящий человек, знакомый с экономической практикой, не поверит этой утопии и скажет, что это невозможно, поскольку он постоянно является свидетелем грубого нарушения государством частных интересов. На мой взгляд, данное обстоятельство не характеризует отрицательно «моральный облик» государства и не требует его осуждения. Просто в рыночных отношениях любой участник стремится получить прибыль наиболее экономичным способом. Самый простой способ из доступных государству — использование административного ресурса. Такой возможности лишен любой другой субъект. Поэтому вместо развития сложнейшей системы контроля за экономической деятельностью государства и постоянного осуждения коррупции его чиновников необходимо предпринять только одно — исключить государство из экономической жизни. Тогда все эти проблемы решатся сами собой.

Итак, мы столкнулись с тем, что оценка состоятельности правовой теории привела нас к необходимости решить более общий вопрос — об эффективности государственного участия в экономике. Опыт всегда показывает крайнюю неэффективность деятельности государства в сравнении с деятельностью частных компаний. Даже в том случае, когда вмешательство государства становится здесь тотальным, т. е. совершенным, с точки зрения управления, это не обеспечивает экономической эффективности. Результат часто бывает противоположным, т. е. высокий уровень государственного вмешательства приводит к низкой экономической эффективности. Это было доказано всем опытом советской экономики, которая, несмотря на свое полное фиаско, почему-то оставила у многих приятные ностальгические воспоминания и некоторые штампы в представлениях о природе экономических явлений. Так, наша общая экономическая теория всегда исходила из необходимости участия государства в экономике, после чего любой прикладной науке, в том числе и юриспруденции, остается исследовать разве что те формы, в которых такое участие должно происходить. Вместе с тем эта позиция советской доктрины не является единственно возможной. Наоборот, сегодня она является весьма спорной. За последние сто лет экономическая наука ушла далеко вперед относительно трудовой теории стоимости К. Маркса.¹¹ Строить на этом ветхом фундаменте представления о современном обществе уже никто не берется. Так же и право — сегодня оно существенно отличается от известной советской модели, что требует привести его науку в соответствие с принятыми современными взглядами.

Палитра современных экономических подходов весьма разнообразна. Многие старые научные школы соседствуют здесь с совершенно молодыми учениями и направлениями. Подробный анализ и критика их положений обычно являются предметом самостоятельных исследований по истории экономической мысли, нас же здесь интересуют только основные тренды развития данных идей. Из них в настоящее время я бы

¹¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 1951.

выделил два основных. Это, прежде всего, самые разнообразные последователи учения Дж. М. Кейнса,¹² которые включают неокейнсианство,¹³ ортодоксальное кейнсианство,¹⁴ посткейнсианство (Д. Робинсон, Р. Клауер) и т. д.¹⁵ Смысл их подхода состоит в том, что государство должно вмешиваться в экономический процесс. Все разнообразие этого направления связано, по существу, с анализом различных механизмов и инструментов такого вмешательства. При этом основной принцип не нарушается. Данное направление в экономической теории является сегодня господствующим, и именно от него исходят все предложения по развитию моделей государственного и надгосударственного экономического управления. Представители этого научного течения тесно связаны с правительством, питаются его заказами, обслуживают любые капризы и претензии экономической и политической бюрократии. Именно это направление, естественно, легло в основу практики нашей современной экономической жизни, которая, развивая идеи социального государства и суверенной демократии, пользуется плодами именно этих научных взглядов.

Идеям кейнсианства противостоит не менее авторитетная экономическая школа — либеральная, классическая экономическая школа. Ее приверженцы находят корни своего учения в работах А. Смита,¹⁶ исследованиях австрийской школы¹⁷ и, наконец, неоавстрийской,¹⁸ чикагской школы¹⁹ в настоящее время. Это научное течение с самого начала рассматривает основой любой экономики индивидуализм, а движущей силой развития не волю государства, а инициативу предпринимателя. Представители данного научного направления обосновывают в своих работах всю тщетность государственного управления, которое в обычной жизни, не связанной с военными или экологическими потрясениями, никогда не приводило к экономическим успехам. Что же касается ошибок, то государство их совершает постоянно, причем заложником необдуманной экономической политики государства всегда становится общество, которое вынуждено отвечать за промахи государства своим имуществом и частными интересами.²⁰ По известным причинам этот подход ни раньше, ни сегодня не находил достойного изложения в нашей экономической теории, поскольку немедленно отвергался, не проходя жесткой идеологической цензуры.

Аналогичное происходит и в праве, где основной теоретической базой по-прежнему остается позитивизм, превозносящий все, что бы государство ни предлагало, в качестве истины в последней инстанции. То, что возможно право и без государства, что оно происходит и развивается вне государства, мы допускаем только на уровне теории, считая, что это не может и не должно иметь дальнейшего развития в отраслевом законодательстве: гражданском, административном, предпринимательском, уголовном

¹² Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002.

¹³ Харрод Р. К теории экономической динамики. М., 2007.

¹⁴ Хикс Дж. Господин Кейнс и «классики». Попытка импровизации. М., 2007.

¹⁵ История экономической мысли / Под ред. В. В. Круглова, Е. В. Балахоновой. М., 2008.

¹⁶ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2009.

¹⁷ Менгер К. Основания политической экономии. М., 2007; Бем-Баверк О., фон. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. М., 2009.

¹⁸ Мизес Л., фон. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск, 2005; Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000; Хайек Ф. Частные деньги. М., 1996; Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. М., 2008.

¹⁹ Фридмен М. Если бы деньги заговорили... М., 2001.

²⁰ Мизес Л., фон. Бюрократия, запланированный хаос, анитикапиталистическая ментальность. М., 1993. С. 52.

и т. д. Вместе с тем подход, отрицающий «публичное» происхождение права, может быть чрезвычайно продуктивен, поскольку только он может предложить реальный выход из чрезвычайно запутанной государством системы правовых отношений. Назрела необходимость не только в теории, но и на практике реализовать идею ограничения интересов государства, признать, что его участие в экономической жизни вредно, а вмешательство в частные интересы граждан, их свободу является не чем иным, как произволом власти.²¹

Основным практическим выводом из развития этих общих экономических и философско-правовых идей в конкретной теории предпринимательского права может быть только последовательный запрет государству участвовать в хозяйственной жизни. Именно поэтому, когда мы предлагаем возможные юридические формы такого участия, мы должны делать это крайне осторожно. Это вовсе не связано с неким «капризом» цивилистов, как обычно представляют, а продиктовано интересами современного общества. Предлагая очередную схему вмешательства государства в экономику, мы должны отдавать себе отчет в том, что в данном случае государство должно быть толерантным к частным интересам до такой степени, чтобы по своей воле лишиться себя публичной власти. Оно должно рассчитывать в таких отношениях не на публичную власть, а лишь на предпринимательский профессионализм, присущий всем без исключения участникам имущественных отношений. Поскольку в реальной жизни такого идеального государства не существует, этого не следует ждать от государства. Таким образом, даже на уровне здравого смысла идея справедливого юридического лица публичного права утопична. Еще более нежизнеспособной она становится при ее научной критике, а ее практическая реализация приведет к углублению экономического кризиса.

Итак, суть рассматриваемой проблемы заключается вовсе не в том, признать или не признать юридические лица публичного права, а в том, нужно ли нам дальнейшее вмешательство государства в частную экономическую жизнь? Возможно, такой взгляд на вещи позволит нам отбросить в сторону взаимные претензии и не разделяться на противостоящие друг другу группы «консервативных цивилистов» и прогрессивных сторонников особых юридических лиц. Задача науки, мне кажется, наоборот, состоит в том, чтобы дать, наконец, объективную оценку практике чрезмерного государственного давления на экономику, а роль юриста не должна сводиться к разработке удобного правового инструмента такой политики.

Вместо этого бесполезного спора задачей современного правового исследования могло бы стать совершенно обратное — исследование разнообразных юридических моделей постепенного сокращения государственного влияния, замены его публичных функций частными институтами. Так, например, вместо поиска нового статуса для Центрального банка или Агентства по страхованию вкладов необходимо последовательно отказываться в их деятельности от публичных функций, что постепенно приведет к их замене на частные организации с определенным статусом. В частности, если речь идет о Центральном банке РФ, то давно уже назрела необходимость в сокращении его административных полномочий²² и превращении его из органа управления в настоящий банк, что даст, наконец, возможность наблюдать не только его административную мощь, но и банковский профессионализм.

²¹ Четвернин В. А. Понятия права и государства. Введение в курс теории права и государства. М., 2003.

²² Нефедов Д. В. Вопросы совершенствования банковской системы РФ // Кодекс-info. 2002. № 11, 12.

Учитывая изложенное, можно сказать, что дальнейшее развитие теории юридических лиц публичного права будет зависеть не от ее усилий в противоборстве с классической цивилистической школой, а от следования основным тенденциям экономических законов, лежащих в основании любого правового регулирования. Пока же, рассматривая сущность этих законов, следует сказать, что предлагаемая нам концепция является дополнительным инструментом давления государства на частную экономику и потому абсолютно лишена реальных перспектив.